

И БРЕДЯТ РУСЬЮ ВАСИЛЬКИ

* * *

Мороз крепчает на Крещение.
Народ, по древнему преданью,
Ждет искупленья и прощенья
После купанья в Иордани.
И, может быть, надеждам внемля,
Придет - в который раз - по водам
Спасать поруганную землю,
Однажды принятой народом,
И распинаемой так часто
В душе у каждого грехами,
С неиссякаемым участием
Вновь наблюдающий за нами.

* * *

Земля родная, знаешь ты
Свой путь сквозь бури и невзгоды.
Все было: годы немоты
И громкой славы были годы.

Врага разили, и не раз,
Сыны твои на поле брани.
Смотрю – ведь нет врага сейчас!
А кровью истекают раны.

Шипы вранья и воровства
Рвут на клочки твои одежды.
«Иван, не помнящий родства»,
Живет без веры и надежды.

* * *

Сжалась, как шагреневая кожа
Бывшая великая страна.
Стала абсолютно непохожей
На себя, просторную, она.

Только за распахнутой калиткой
Колобродит прежний соловей...
А туман распухшею улиткой
Зелень объедает у ветвей.

Цепь тревожно звякнула в колодце.
Долго ль новой ожидать беды?
Бог помилуй! – может быть придется
Нам платить за капельку воды.

За духмяный вересковый воздух,
За журчанье вешнего ручья.
Слюнки истекают у прохвостов –
Изобильна родина моя.

Выйду на рубиновом рассвете
Травы-изумруды собирать,
Рябью набежит жемчужный ветер
На аквамаринovou гладь.

Все это дарилось, безусловно,
Мне, рожденной в звонкой красоте.
Пусть и дальше соловей влюбленный
Трели рассыпает в темноте.

* * *

Памяти моего дяди Алексея Неговора

Здесь сентябрь, как пирог слоеный,
То оранжевый, то зеленый.
Катит тыквы по огороду,
Запрягает мышей в подводу.
Перед тем, как домой собраться,
Рассказать захотелось вкратце,
Что за синей прохладной речкой
Было поле с медовой гречкой.
И с утра и до самой ночи
Там трудилась, что было мочи,
Над кипеньем крутым летая,
Пчел, в согласии дружном, стая.
А потом на широком блюде
Плыло золото. Брали люди
Распечатанных сотов ломти.
Свет в ячейках лучисто-ломких
Распадался на сотни капель
И на хлеба горбушку капал.
Дядя Лешка – костыль под мышкой,
Возле ульев ходил вприпрыжку.
Наблюдал за порядком строго
И почти забывал про ногу,
Что осталась в бою под Курском
На прославленном поле русском.

* * *

Висят подзорами туманы
Над речкой Сасенкой с утра.
Я снова в домике саманном,
И будто не было утрат,
И сердцу милая Украина –
Лишь оком большой земли.
На расстояниях бескрайних
Еще границы не легли.
Еще звучат былые песни,
Веселье плещет через край,
И в танцевальном круге тесно,
– Эй, гармонист, давай играй!
И бабы лучшие наряды,

Чтоб в поле выйти, достают.
И – не поверите! – но радость
Приносит бескорыстный труд.
И за расхристанным туманом,
С утра присевшим у реки,
Растут во ржи косынкой рваной
И бредят Русью васильки.

* * *

В саду заброшенном антоновка
Невероятно хороша.
И наливное, с ветки тоненькой,
Срываю молча я, спеша
Вдохнуть глубокий и пленительный,
Неповторимый аромат.
И вспомнить ярко и пронзительно,
Как много-много лет назад
Шла через двор неспешно бабушка,
Сорвав такое же в саду.
На нем роса светилась радужно.
Стирая капли на ходу
Изнанкой фартука атласного,
Бабуля шествовала в хлев.
Несла буренке чудо-лакомство,
Мне подождать в саду велев...
Держу сейчас в руке антоновку,
Как будто кружку молока.
И в этот миг я – внучка Тонюшка,
И снова жизнь легка-легка.

НА ФЕРМЕ

Здесь когда-то молочные реки
Меж кисельных текли берегов.
В двадцать первом свихнувшемся веке –
Только отзвук случайных шагов.
Ветер западный вольно гоняет
Шелуху долгих брошенных лет,
И дырявая крыша роняет
На пол горсточку медных монет,
Да лопух прорастает сквозь стену.

Он давно-предавно мне знаком.
 Помню, как напоили отменным
 Нежно-сладким парным молоком.
 Я тогда возвращалась из леса
 Мимо фермы – коротким путем.
 И накрыло колючей завесой –
 Неожиданно ярим дождем.
 Град впивался в озябшее тело,
 Словно дикий безжалостный зверь.
 Повезло! На бегу разглядела,
 Как приют, приоткрытую дверь.
 Притомившаяся молодуха
 Протянула кувшин с молоком,
 А собака с оторванным ухом
 Норовила лизнуть языком.
 Выходило смешно и нелепо.
 Словно горсть золотого тепла,
 Мне краюху домашнего хлеба,
 Улыбаясь, доярка дала.
 Ноздреватого, с легкой кислинкой.
 Помню запах его и теперь.
 Он пророс во мне каждой крупинкой,
 Заглушая печаль от потерь.

* * *

Яркой бабочкой на асфальте
 Шевелится осенний лист.
 Миг – и ветер его подхватит,
 Понесет по дорожке вниз,

Где беспечно играет речка
 В прятки с веточками ветлы,
 А по берегу, будто свечки –
 Обнаженных берез стволы.

Лист по водным скользнет ладоням,
 Побежит с говорун-рекой,
 И однажды в тиши затона
 Долгожданный найдет покой.

Как листок на ладонях речки,
 Я на Божьих плыву руках,
 Каждый день обретая вечность,
 Каждый день побеждая страх.

* * *

Всему на земле нужно время,
 Чтоб силу почуять свою ...
 Взросло полновесное семя,
 И снова я песни пою.
 О ясных медвяных закатах
 Над сонной прохладной Окой,
 Где месяц в убранстве богатом
 Всю ночь караулит покой
 Российской срединной природы
 В излучине древней реки.
 Здесь ивы плакучие в воду
 Свои окунают платки,
 И стайка берез белоствольных
 Почти подбегает к воде.
 Здесь так хорошо и привольно,
 Как больше не будет нигде...
 И водной мелодии вторя,
 Иду вдоль реки не спеша.
 Пою о российском просторе
 И полнится светом душа.

* * *

Такие вот сегодня времена:
 Апрель – а все бело от снега.
 Не позволяет вырваться из сна
 Природе расслабляющая нега
 Несобранной и ветреной весны –
 Она опять о сроках забывает.
 Лишь на стволе коричневом сосны
 Дрожит янтарно капелька живая.
 И в унисон дрожит моя душа,
 Туманные улавливая звуки,
 И чувства обновленные спешат
 Освободиться из объятий скуки.
 Пусть напоследок ярится зима,
 Созрела удивительная сила.
 И, открывая жизни закрома,
 Перерождение провозгласила.
 И на пороге нового пути
 Пульсируют волнующие соки.
 Стучит в висках – Пора! Пора идти!
 А сроки?.. Разные бывают сроки.